

мучительный путь раздумий и компромиссов. Отношения между интеллигенцией и Советской властью нередко отличались острыми противоречиями: власть пыталась поставить образованные слои общества на службу системе, интеллигенция, со своей стороны, отстаивала право на интеллектуальную свободу, выступая против тотального контроля за умонастроениями в обществе. Одним из первых своеобразную двусмысленность советской действительности отметил ученый и мыслитель, лауреат Нобелевской премии И. Павлов: с одной стороны, просматривались многообещающие признаки «социального рая» – равенство, единение масс, воодушевление большинства общими идеями, впечатляющие результаты индустриализации и т.д., с другой стороны, отмечал известный ученый, «мы находимся в сущем аду, где насилие и бесчеловечность стали обыденным и всеобщим делом»¹⁰.

Для укрепления своих позиций, нейтрализации потенциальных оппонентов власть предприняла упреждающие шаги, выработав программу мер по привлечению на свою сторону колеблющихся. В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, была поставлена задача активного использования старых специалистов, причем эта тактика рассматривалась как своеобразная форма классовой борьбы, призванная преобразовать классовую природу интеллигенции.

Результатом целенаправленной политики Советской власти по формированию качественно нового социума – советской интеллигенции – явилась пролетаризация образованного слоя страны, снижение общего интеллектуального уровня людей с высшим образованием, усиленная технократизация вузов. Был сформирован новый, лояльный государству социальный слой, гарантирующий успех в борьбе с возможными рецидивами инакомыслия и вольнодумства в обществе.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1989. Т.3. С.240.

² Короленко В. // Новый мир. 1988. №10. С.216.

³ Ильин И. А. // Новый мир. 1991. №1. С.218.

⁴ Есаков В. Д. // Отечественная история. 1994. №6. С.129.

⁵ Пантин И., Плимак Е. А. // Коммунист. 1981. №15. С.104.

⁶ История и теория мировой и отечественной культуры. Пенза, 1993. С.123.

⁷ См.: Гиппиус З. Н. // Под созвездием топора. М., 1991. С.327.

⁸ См.: Струве П. Б. // Новый мир. 1991. №4. С.217; Трубецкой Е. Н. // Новый мир. 1990. №7. С.198.

⁹ Федюкин С. Л. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984. С.28.

¹⁰ Якимович А. // Погружение в трясину. М., 1991. С.371.

А.А.ЗАГОРНОВ

БРЕСТСКАЯ ТАМОЖНЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Система контроля – одна из основных внутренних функций государства. Так, его система пограничного контроля позволяет сохранять экономическую независимость и, более того, политическую самостоятельность. Стремление государств упорядочить все возрастающий поток товаров, пересекающих границы (экспорт и импорт), с течением времени привело к созданию таможенного контроля и его органов – таможен.

Первые таможи в России появились уже в XIII в. А с введением в XVII в. таможенного тарифа в Европе таможи окончательно оформились как государственная система пограничного контроля.

Таможи имеют большое и интересное прошлое. К сожалению, у нас почти нет литературы по истории белорусских таможен. Поэтому нам кажется небезполезным дать хотя бы краткий обзор деятельности Брестской таможни в первой половине XIX в. В это время таможня играла заметную роль на западной границе Российской империи. Сразу после второго раздела Речи Посполитой Брест получил российский пограничный статус. Находясь на магистральном Московско-Варшавском тракте и на судоходных реках Буг и Мухавец, город на протяжении всего XIX в. был важным торговым и перевалочным грузовым узлом. Таможню здесь вновь учредили в начале XIX в., и она активно действовала до 50-х гг.

После разделов Речи Посполитой изменилась линия государственной границы. Возникла проблема создания новых таможен и в результате были открыты в разное время четыре крупные таможни: Дубоссарская, Радзивиловская, Ковенская и Брестская.

После войны 1812 г. и создания Царства Польского российские власти задумались об усилении западной сухопутной границы империи. В первую очередь это диктовалось особыми отношениями с Царством Польским, которое, хотя и входило в состав Российской империи, но имело свои государственные границы с таможнями как на западе, так и на востоке. Грузы, поступающие из Царства Польского, как и другие иностранные, облагались пошлиной. Взимание пошлин в это время стало основной функцией таможен новых округов.

31 марта 1816 г. Александр I подписал указ об образовании еще двух новых таможенных округов – Ковенского и Брест-Литовского¹. Брест-Литовский таможенный округ (с начала 20-х гг. его центр был перенесен в Гродно, и он стал именоваться Гродненским) имел границу от р.Лососны до с.Преборова и кроме Брестской таможни первоначально располагал еще Гондиондской, Хорошенской, Цехановецкой, Нурецкой и Преборовской заставами. В штате таможни в 1816 г. насчитывалось 24 человека: управляющий, секретарь, переводчик, казначей, бухгалтер (он же «выкладчик» пошлин), пять писцов, смотритель для аптекарских материалов и красок, шесть досмотрщиков, сторожа и др. Позднее штат таможни в Бресте был сокращен, и уже в 1825 г. ее обслуживало всего семь человек: управляющий, помощник, два писца, пакаузный надзиратель и два досмотрщика². Сокращение штатов в старых таможнях было вызвано тем, что в империи открывались новые таможни, для которых не хватало опытных работников (так, на территории Гродненской губернии до 1838 г. действовало три таможни, а в 1849 – уже восемь), а также и тем, что значительно возросло количество стражников, которые не входили в штаты таможен. Примечательно, что в первой половине XIX в. таможенный контроль и пограничная охрана относились к ведомству министерства финансов. Пограничники тогда именовались «таможенным присмотром» и состояли из команд таможенной стражи, обязанных наблюдать за границами государства, контролировать перемещение людей и грузов через таможенные пункты и бороться с контрабандой.

Прохождение границы через некогда единые в административном отношении территории усложняло работу таможни, ибо нередко жители пограничной полосы по старой памяти стремились попасть на теперь уже заграничную территорию и вернуться, конечно, не с пустыми руками. Поскольку в сопредельных землях существовала разница в ценах, то в результате такого перемещения можно было заработать (естественно, если удавалось обойти таможню или таможенники не находили запретный груз). И по сей день провоз контрабанды является одной из статей дохода многих брестовчан и жителей польского Тересполя. Невозможно учесть, сколько товара обращалось таким путем, но кое-что попадало в руки таможенников.

28 января 1829 г. надзиратель Алферов привел в Брестскую таможню «крестьянина Царства Польского Халюка с тремя мешочками соли и табака». Нарушителя задержал уже при возвращении объездчик Фадеев. На допросе в таможне нарушитель показал, что «тайно перешел границу, купил для своей надобности соли 26 фунтов и табаку листового курительного один фунт» и попытался вернуться, но был задержан. Общее присутствие (собрание членов таможни) решило: во-первых, «соль и табак как запрещенные к продаже в Царстве Польском конфисковать и продать с аукциона»; во-вторых, «с крестьянина Халюка взъясать пеню – двойную продажную цену соли и табака», в-третьих, передать нарушителя брестской полиции для высылки его в Царство Польское. Для подтверждения своей финансовой дееспособности, т.е. возможности уплатить штраф, нарушители должны были получить поручительство брестских купцов. За Халюка поручился купец Адам Миллер³.

Объектами крестьянского «бизнеса» были не только соль и табак. Например, летом 1824 г. при «тайном прогоне» двух волов на польскую территорию был задержан крестьянин Жуковский⁴.

Задерживалась и контрабанда, шедшая из польских земель, в том числе жемчуг, зеркала и различные предметы обихода.

Перевоз или перенос контрабанды стал промыслом значительного количества жителей Бреста. Эта тема порождала у наиболее «патриотически» настроенных горожан чувства сверхбдительности. Так, однажды появился донос «брестского жителя шляхтича Завадского на командира городской инвалидной команды майора князя Глинского». Суть дела заключалась в том, что 24 декабря 1819 г., выйдя из своего дома, бдительный горожанин заметил «следовавших от Буга через его огород двух солдат инвалидной команды и брестского мещанина Ивана Янковского с работником, несущих на себе по одному мешку». Шляхтич принял их за контрабанду, о чем и написал в своих доносах гродненскому гражданскому губернатору и начальнику таможенных и торговых дел в Царстве Польском. Брестская городская полиция провела расследование, потом прибыла еще следственная комиссия. В итоге губернское правление посчитало донос Завадского ложным и предписало брестской полиции взыскать с него деньги, отпущенные из казны следователям (212 руб. ассигнациями) и оштрафовать его еще на 200 руб.⁵

Борьба с контрабандой велась не только на самой границе. Пограничная полоса шириной в семь верст тоже была зоной действия таможенной стражи. Здесь могли проводиться обыски и преследование контрабандных грузов, а жители этой полосы находились под особым контролем.

Осенью 1834 г. «у помещицы Брестского уезда графини Бнинской» были обнаружены контрабандные товары. Приехавшие, видимо, по наводке в имение Труново чиновник для особых поручений при Гродненском таможенном округе Ребиндер, заседатель брестского нижнего земского суда Богданович и несколько объездчиков нашли в доме помещицы товары, «состоящие из цельных кусков разных тканей». Графиня не смогла доказать законность приобретения этих иностранных товаров, оцененных в 611 руб. 80 коп. Ткани конфисковали и передали Брестской таможене, которой надлежало оприходовать их, а потом реализовать на аукционе⁶.

В основном таможня в Бресте занималась «очищением пошлиной» польских товаров. После взимания пошлины на товары специальным, ежегодно обновлявшимся штемпелем ставилось клеймо. Кроме того, товары, провозимые через границу, должны были иметь собственные фирменные знаки, поэтому таможня получала специальные ведомости-каталоги новых фабрик и мануфактур с образцами их клейм. Ей предписывалось сличать эти клейма с реальными знаками на товарах.

Брестская таможня в первой половине XIX в. по доходности сохраняла явное лидерство среди таможен Гродненской губернии. Например, в 1837 г. из 440 тыс. руб. пошлинного дохода по Гродненскому таможенному округу 320 тыс. руб., или 72%, взималось Брестской таможней и только 220 руб. (0,06%) — Гродненской. Большая часть таможенной стражи тоже сосредоточивалась в Брестском уезде⁷.

Царское правительство придавало важное значение таможням вообще и особенно на западной границе, где они служили своеобразным кордоном по сдерживанию проникновения революционных идей Франции и национально-освободительных идей стремящейся к независимости Польши. Поэтому таможня, всегда имевшая твердое финансовое обеспечение, осуществляла жесткий контроль над умами посредством фильтрации печатной продукции, поступающей извне.

На 1825 г. из гродненской казенной палаты на таможню в Брест было отпущено 35150 руб. Свыше 80% этой суммы предназначалось для жалования «таможенному присмотру». В 1829 г. таможне ассигновалось уже 60117 руб.⁸

Стремясь сохранить незыблемость существующего строя, правительство пыталось не допускать распространения идей французской революции и мятежных поляков, а также влияния их на «умонастроения» жителей западных губерний. Через них новые, свежие идеи по-иному устройству и функционированию государства могли проникнуть в глубь империи. 14 февраля 1825 г. Брестская таможня получила от департамента внешней торговли подробную инструкцию, как поступать с книгами. Привозимые иностранные книги «по учинении надлежащего оным досмотра и очистки (т.е. взимания пошлины — А.З.), по запломбировании в ящиках, тюках или ином виде» надлежало вернуть владель-

цам с обязательной распиской последних о том, что в шестимесячный (с середины 40-х гг. – трехмесячный) срок они предоставят досмотренные книги без повреждения пломб местному губернатору, который примет решение о их судьбе. Губернатор, в свою очередь, обращался в цензурный комитет, где каждую книгу проверяли и давали заключение. Таким образом, деятельность таможи по задержанию книг в определенной мере инициировала цензурирование. Таможенникам, кроме того, вменялось в обязанность каждый месяц уведомлять особую канцелярию МВД «сколько именно провезено мест с книгами, под какими знаками, куда и на чье имя оныя были адресованы»⁹.

Книги таможенным чиновникам Бреста приходилось задерживать часто: они были в багаже или на руках почти у каждого возвращавшегося из-за границы. В июне 1830 г. комиссионер Рубин заявил таможенникам, что везет с собой из Варшавы пачку книг на разных языках. Таможенники, «учинив книгам досмотр» и приложив две свинцовые пломбы, обязали владельца доставить литературу губернатору в Гродно «без повреждения и нарушения пломб для освидетельствования». По тому же сценарию в сентябре этого года были задержаны и отправлены по инстанции 21 книга на польском и французском языках, принадлежавшие польскому купцу Юрию Добричу¹⁰.

Итак, Брестская таможня в первой половине XIX в. была одной из самых значимых на западной сухопутной границе Российской империи. Основную ее функцию составляло взимание пошлин с грузов, ввозимых из Царства Польского. В своей деятельности таможня руководствовалась утвержденным для нее тарифом, положениями таможенного устава и предписаниями департамента внешней торговли.

В начале 50-х гг. XIX в. отношения между Царством Польским и остальной частью Российской империи в значительной степени упростились. В частности, отменялись таможенные пошлины и внутренняя таможенная граница между ними была ликвидирована. Надо полагать, поэтому брестская таможня, как и ряд других на бывшей российско-польской границе, прекратила свое существование.

¹ Полн. собр. законов Рос. империи (далее ПЗС). 1-е собр. Т.33. №26217.

² Там же. Т.44. Ч.2. № 28030, 30446.

³ БГИА в Гродно. Ф.1692, оп.1, д.5, л.85.

⁴ Там же. Д.2, л.15–16.

⁵ Там же. Ф.1, оп.1, д.1928, л.39–43.

⁶ Там же. Оп.10, д.1105, л.1–6.

⁷ Там же. Ф.14, оп.1, д.639, л. 189, 190, 194–196 об.

⁸ Там же. Ф.1692, оп.1, д.3, л. 108–110; д.5, л.95.

⁹ Там же. Ф.1692, оп.1, д.3, л.71.

¹⁰ Там же. Ф.1, оп.3, д.421, л. 10, 21–22.

КАТЯ БЕНЧЕВА (БОЛГАРИЯ)

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВА МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В СОВРЕМЕННЫХ ГРЕЦИИ И БОЛГАРИИ

На Балканском полуострове исторически сформировались многие нации, процесс консолидации которых происходил в условиях иноземного господства Османской и Габсбургской империй. Население полуострова, в большинстве своем православные христиане, до возникновения современных национальных государств подвергалось усиленному нажиму двух сил – ислама как официальной религии Османской империи и католицизма как господствующего вероисповедания Австрийской империи.

Формирование мусульманских этнорелигиозных общин на Балканах началось после колонизации полуострова турками-османами, сопровождавшейся проведением политики исламизации и ассимиляции местного населения. Как известно, ислам, в соответствии с требованиями пророка Мохаммеда, всегда ставил религиозные связи и отношения выше племенных, национальных. "В лоне ислама нет народностей" – говорится в одном из хадисов. Отождествление этнической принадлежности с религиозной привело к ассимиляции больших масс поработанного балканского населения турками. Религия превраща-